

БАБАЙКА

Середина лета. Вечереет. Грустные сумерки неспешно опускаются на горячую землю сгущающейся си­невой. В природе всегда сквозит какая-то необъяснимая, едва уловимая грусть в предвечерье, когда день пе­реходит в вечер. Говорят, именно на исходе дня природа вступает в самый тесный контакт и наивысшую гармонию с человеком и приоткрывает ему свои тайны. Все обволакивают умиротворение, тишина, покой, нарушаемые только пронзительным монотонным стрекотанием кузнечиков в росистой траве да ленивым ла­ем собак. С небес, с гор, с катунских островов, от реки веет прохладой, а от земли идет тепло с тем незабыва­емым запахом самой земли, который можно уловить только в это время суток или после теплого дождя. Но после дождя примешивается еще и запах воды, и свежесть озона, витающего в воздухе, а в предвечерье, без дождя, земля пахнет по-особому, первозданно самой собой — землей и травой.

Мы, еще дошколята, сидим с братом Володей на крыльчке нашего деревянного дома или за оградой, под черемухой, на бревнышках, тесно прижавшись к теплому маминому боку. Она обхватывает нас руками и притискивает к себе, стараясь прикрыть тонкой вязаной шалью, накинутой на ее плечах. Темнота вокруг сгущается. Страшновато! Какие-то шорохи, попискивания и тихая возня в кустах; видимо, какие-то бессон­ные пташки всплескивают крылышками и шебуршатся там, но нам чудится, что кто-то неведомый тайком пробирается в густых зарослях малины и смородины в саду, за спиной. Но мы возле мамы — в полной за­щищенности и безопасности и ничего плохого не может с нами случиться, потому что она, такая родная, лю­бимая, — рядом. Мы — под ее теплым крылышком. Даже ночью на покосе, на высоком стогу сена, среди бес­конечной цепи гор, под огромными звездами, Млечным путем и небесной бездонностью, или, когда нас, поздно возвращающихся с покоса верхом на лошадях, — брат на одной лошади с отцом, я — на другой, с мамой, — темнота застает в пути, на горной дороге, под маминым крылышком мы ничего не боимся. Мама же — рядом. Рядом — и папа. О! Это несравненное чувство защищенности от всего и от вся под родитель­ским крылом! Оно сохраняется в памяти, генах навсегда и в невзгодах взрослой жизни спасает и помогает сохранять точку опоры .

Как благодарна я родителям, особенно маме, за то, что столь щедро напитала она меня этим ощущением невидимой защищенности, до сих пор спасающим меня в трудностях!

...Далеко в горах, на самой верхушке вытянувшейся вдоль горизонта горы Становой, как называли ее местные жители и мои родители, виден одинокий огонек. Мы с братом знаем, что это «Бабайка варит травя­ной чай»,— так говорит мама. Мистический Бабайка в нашем восприятии был не злым и страшным, а доб­рым, таинственным дедушкой, одиноко живущем в горах. Мы жалели его. «Одному ему среди гор плохо. Некому ему помочь, полечить, если заболет»,— думали мы. Нам очень хотелось его однажды встретить и угостить чем-нибудь вкусным: сдобными, сладкими мамиными треугольными пирожками с клубникой или ревенем. Мы считали, что Бабайка очень любит сладкое, но очень редко его получает. А я еще мечтала пода­рить ему букет самых красивых полевых цветов. Хотелось посидеть вместе с ним у его вечернего костерка и попить его ароматный лечебный чай из трав, пахнувший душицей, из которой мы тоже любили заваривать чай на покосе; послушать его рассказы о горах, зверюшках разных. Мы были уверены, что он знает много

---

* Из авторского литпроекта Л. Алтуниной «Лики России». Цикл «Золотой корень». «Моя малая родина — Горный Алтай». Из «Хан-Алтай — Сердце земли».

разных интересных историй и сказок, ведь он — хозяин и хранитель гор, их сторож в ночи. Он всюду бывает: в горах и в тайге, все видит, всех обитателей встречает, все про всех знает.

«Вот бы хоть раз встретить нам Бабайку», — загадывали мы, — ведь у нас там, под Становой, покос, вдруг однажды да и встретим его. А это возможно, мама?»

— Возможно, — тихо и серьезно отвечает мама, еще теснее прижимая нас к себе, обнимая руками под старенькой шалью, как крыльями. — Но Бабайка показывается только добрым людям, никому не причиняющим вреда, ни человеку, ни зверью, ни деревьям и травам; помогает заблудившимся в горах, припозднившимся в ночи, а днем он отдыхает, увидеть его непросто.

Но в нас с братом почему-то упорно жила надежда на то, что однажды непременно встретим Бабайку. Должно быть, мы его и встречали в своей жизни, и не однажды, правда, в других обстоятельствах и не в горах, но он незримо помогал нам. Это — точно. И, знаю, будет помогать еще много раз наш добрый, славный Бабайка из столь прекрасного детства, так щедро согретого милой мамой, оставившей на всю жизнь в наших с братом душах эти памятные чудесные «зарубки».

ЗА ЦВЕТАМИ

...Среди других картин моего алтайского детства мне видится такая: теплое раннее солнечное утро. Конеч мая — начало июня, всюду цветет в саду, возле дома сирень, черемуха, ранет, изливая тонкий аромат, осыпая бело-розовые лепестки, как снежные хлопья, напевают скворцы. Мама печет блины в летней дощатой кухоньке, примостившейся в саду, под черемухой. Едва проснувшись, бегу босиком на крылечко. Нагретые солнцем крашенные его доски приятным теплом щекочат подошвы ступней. Как радостно умываться в солнечных лучах, скользящих по лицу, заглядывающих в глаза, из умывальника, вынесенного на весну-лето на крылечко и вытираться чистым льняным полотенцем, тоже пахнущим солнцем и цветущей весной! В душе моей — ощущение праздника!

Мамой была заведена семейная традиция: ходить весной поутру на гору, в березняк, за цветами, которых в Горном Алтае — великая пропасть. Мама одевает нас с братом во все светлое; белые же панамки — на голову и сама в белом льняном платье, вышитом крестиком голубыми незабудками с зелеными, узкими листочками; в легких парусиновых туфлях, на голове — голубая косынка. Мы готовы: в руках корзинка с едой, прикрытой белым вафельным полотенцем, и пустой литровый алюминиевый бидончик. Воды мы наберем по дороге, в роднике, что в овражке, под скальным выступом.

Нередко мама брала вместе с нами за цветами и моих подружек. В нашем доме, вообще, всегда крутилось много детворы — всех привечали, кормили-поили. А мои подружки из необеспеченных семей и из семей, как сейчас сказали бы, социально неблагополучных, так и жили у нас: ночевали, питались, мылись в бане, носили мои платья, которых у меня было много. Мама же портняжила и из остатков тканей комбинировала мне красивые, нарядные платья, или, бывало, купит яркие отрезы ситца, сатина или штапеля в цветочек и нашьет платьев и мне, и моим подружкам, красивых: юбочка-солнце, рукав-фонарик или с крылышками, по кокетке — рюши или кружавчики, широкий пояс бантом завязывается.

...Неспешно поднимаемся в гору не по пыльной дороге, а напрямик, через заросли разных трав и цветов, рассматривая каждую травинку, цветочки, разных букашек, оборачиваясь на извилистые ленты рукавов реки Катуня, открывающиеся за островами, и на дальнюю, в голубовато-сиреновом мареве бесконечную гряду высоких остроконечных гор за лесами и Катунью. Смотрим с горы на родное огромное село Майму и отыскиваем наш дом. Ориентир — высокие, густые, зеленые кедры в школьном дворе, а школа, начальная, «Зеленая», — так все ее называли то ли потому, что находилась она на улице Зеленой, то ли потому, что утопала она в зелени кедров и большого сада, — рядом с нашим домом. Говорили, что эти кедровые более ста лет назад посадили «попы», то есть первые христианские миссионеры, прибывшие в Горный Алтай просвещать, приобщать к православию коренной народ — алтайцев, язычников, поклонявшихся священным тотемам из мира природы: горам, деревьям, животным, птицам, солнцу, ветру и шаманам. Ныне многие алтайцы крещены в православие и носят русские имена.

Школу ту, где мы учились в начальных классах, снесли, место застроили, а из могучих красавцев-кедров сейчас остался только один кедр, совсем захудалый.

Скоро и он погибнет.

...Собираем цветы. Мама учит нас названиям этих цветов: саранки, незабудки, марьины коренья, ландыши, гвоздика, кандык, венерин башмачок, огоньки — жарки зовут их еще в Сибири, — кукушкины слезки, фиалки. Показывает, как составлять букеты, а в середину такого букетика из горных и луговых цветов неизменно воткнет березовую веточку и какую-нибудь красивую, ветвистую зелень. Огоньки — особые цветы для меня, да, думаю, для всех, кто вырос в Горном Алтае, как и марьины коренья. С ними связано все наше детство. По весне огоньками сплошь покрыты горы, долины — цветочный пожар! Став постарше, мы, девочки, бегали за ними и приносили их целыми охапками. Они и похожи на огоньки: яркие, как розочки — фонарики, которые и светят мне всю жизнь.

...Когда мы с букетами цветов усаживаемся возле мамы и разворачиваем на траве полотенце с едой, она

рассказывает нам всякие легенды и истории о цветах, о лечебных свойствах трав; о жизни людей в горах, коренного его населения — алтайцев, их обычаях, ведь наш папа — тоже алтаец. И в наших с братом жилищах течет наполовину алтайская кровь, наполовину русская: мы — метисы. Вспоминает мама и свое детство, тоже прошедшее в Горном Алтае. О том, как любила она вместе со своей мамой, нашей бабушкой Марфой Сазоновной Леонтьевой, урожденной Пупышевой; с тетками — сестрами бабушки — Клавой и Груней петь песни на вечерней зорьке, сидя на крутом берегу бурлящей Катуня, в Инегене. Инегень — высокогорное село, в живописнейшем месте, за Катунью. Природа там, как, впрочем, и во всем Горном Алтае, просто райски дивная. Мама нам часто рассказывала про Инегень, про свою семью и родню, вспоминая свою юность. Ныне в Инегене открыт музей снежного барса, единственный в России. И так хочется мне там побывать, в местах, столь тесно связанных с мамой и моей родней.

— Мама, а спой какую-нибудь из тех ваших песен,— прошу ее.

И мама вполголоса начинала иногда с очень горестной песни, поражавшей наше воображение; «песня алтайских партизан времен Гражданской войны», как говорила она: *«Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с ним. На нас напало злое племя. Село родное подожгли. Отца убили в первой схватке, а мать живьем в костре сожгли. Сестру родную в плен забрали, а я остался сиротой. Три дня три ноченьки старался, сестру из плена выручал... Взойду ль я на гору круту-у-ю и посмотрю-смотрю-у-у-у круго-о-о-ом: горит-горит село родное, горит вся родина моя...»* Песни чаще были грустные, «жизненные», как характеризовала их мама.

«Ой, да ты, кали-и-и-нушка, ой, да размали-и-и-нушка. Ой, да ты не сто-о-о-о-й, не стой. Ой, да на горе-е-е крутой, ой, да не спускай-а-а-а-й листье во сине-е-е море...»,— выводила она красивым, сильным голосом. Или: *«Скатилось колечко со правой руки, забилось сердечко о милом дружке...»*; или: *«Глухой неведомой тайгою, сибирской дальней стороной бежал да бродяга с Сахалина звериной узкою тропой...»*; или: *«Скакал казак через долину, через Маньчжурские поля...»* и многие другие.

Песни эти, протяжные, грустные, сибирский народ любит, видно, в своих душах и нелегких судьбах находит созвучие с ними. Эти песни всегда пели и в больших компаниях, собиравшихся по праздникам в нашем доме. Папа запевал, мама подхватывала, потом включалась вся компания. Голоса у родителей были сильные, чистые, мелодичные. Пели компанией слаженно, мощно, красиво. Сибиряки, вообще, любят петь и как поют! Все их песни, и впрямь «жизненные», до сих пор звучат в моем сердце. Услышу их или сама запою, и в памяти ясно встают те давние картины из далекого детства. Словно вчера были эти наши желанные походы в горы, за цветами, с мамой, которой уже более сорока лет нет на этом свете, но «зарубки», сделанные ею в наших сердцах и памяти, живы...

«ТЫРЛО» НА ЧУЙСКОМ ТРАКТЕ

«Я сидела и мечтала у приоткрытого окна, Чернобровая, в лохмотьях, ко мне цыганка подошла. Подошла и просит руку, просит руку погадать: “Все, что было, все, что будет, я могу тебе сказать. Да у тебя на сердце тайна: ты любишь парня одного, ты хочешь стать его женою, Но тебе не суждено. Он любит девушек богатых, он любит карты и вино. Он тебя в могилу сгонит. Ему, бродяге, все равно...”»,— откуда и как у нас, старшеклассников из десятого «В», из «Белой школы», как все называли и до сих пор называют Майминскую среднюю школу номер один, наверное, потому что выкрашена она белым цветом, взялась эта песня, я не припомню, да, наверное, никто из нас, бывших однокашников, этого даже и не знает. Откуда к нам приходят песни?! Приходят — и все. Но именно этой песней чаще всего мы начинали наши вечера. Взявшись под руки, кто-то из наших девчонок с «Чернобровой цыганочкой» первыми выходили на Чуйский тракт вечерами, зная, что, заслышав ее, одноклассники, как по некому сигналу, выйдут на Чуйский тракт, на «тырло» — потусоваться, как сказали бы сейчас.

Под словом «тырло» у каждого сельского жителя перед глазами встает такая картина: огороженный жердями загон для телят, именуемый именно «тырло». Городскому жителю, не специалисту-словеснику, думаю, это слово вообще малоизвестно. Для нас же, как и для всей тогдашней майминской молодежи, «тырло» — ежедневные вечерние встречи с друзьями на Чуйском тракте. Это — волнующие гуляния, взявшись под руки и выстроившись длинной шеренгой во всю ширину Чуйского тракта по его остывающей, но еще теплой от летнего солнца асфальтовой ленте, туда-сюда, разговоры на самые разные темы и, конечно же, первые наши влюбленности, тщательно скрываемые от предмета своего увлечения. Мы не просто прогуливались, спорили, смеялись, мы — пели. Пели самые разные песни, от наших коронных «зазывалок» и русских народных до популярных в ту пору эстрадных: «Лучший город земли», «Калина красная», «Песня остается с человеком», «Палуба», про бумажный кораблик из фильма «Еще раз про любовь» и другие.

Собирались мы обычно на мостике, обнесенном черными и белыми столбиками — перилами и потому напоминающем полосатую зебру. Усаживались, как оживленные, чирикающие воробьи, на эти перила,— «оседлали зебру»,— и «чирикали» обо всем на свете, смеялись и пели. Мостик этот был на повороте, недалеко от въезда в наше громадное село Майму, одно из самых больших в России, со стороны Бийска и от плантаций хмеля Кировского совхоза, на сбор которого нас, школьников, «кидали» в сентябре. С другой стороны,

в направлении к городу Горно-Алтайску, ныне столице Республики Алтай, у Чуйского тракта, пролегающего через всю Майму, был Сталинский совхоз, как, по-старому, именовали тогда местные жители Майминское опытно-показательное хозяйство. Эти названия употреблялись и нами для географической ориентации на местности: где именно, в какой точке, кто находится и где, кого искать из наших общих многочисленных знакомых. Сотовых-то телефонов тогда и в помине не было. На «тырло» собирался не только наш класс, а приходило много разной молодежи и совхозной — тоже, то есть тех, кто относился к тому или иному совхозу, — их родители работали именно в совхозах, а не были служащими, как, скажем, мои. Все друг друга знали, никаких стычек между нами не было. Дружно и весело жила тогда молодежь.

Другой коронной песней-«зазывалкой» была у нас наша отрядная, классная, песня «Глобус» на стихи Михаила Светлова :

*Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой,
Глобус крутится-вертится,
Словно шар голубой...
И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы,
Но таких еще пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету.
Знаю: есть неизвестная
Широта из широт,
Где нас дружба чудесная
Непрерывно сведет...
И узнаем мы тогда, что смело
Каждый брался за большое дело,
А места, где мы с тобой бывали,
Люди в картах мира отмечали...*

.....

Мы тогда и не знали, что эта песня — студенческий гимн, но как-то и к нам он пришел и прочно приклеился, сопровождая нас не только в школьные годы, но и всю жизнь. Встречаясь с бывшими одноклассниками, мы с удовольствием и ностальгией поем его, вспоминая нашу чудесную юность.

В то время только что вышел на экраны художественный фильм «Еще раз про любовь» с Татьяной Дорониной и Александром Лазаревым-старшим в главных ролях. Помню, с каким жаром, гуляя по Чуйскому тракту, мы его обсуждали, наверное, потому что каждый из нас находился в ожидании и предчувствии этой большой, светлой и всепоглощающей любви.

В десятом классе встречи на Чуйском тракте нам назначал наш учитель физики и астрономии Василий Степанович Юрин в темные августовские вечера, когда звезды на небе очень хорошо видны. Его жена, Римма Николаевна Юрина, математик, была у нас и классным руководителем, столь сильно сплотившим нас (до сих пор с одноклассниками связей не теряем). Василий Степанович был классным руководителем у моего старшего брата. Под его же руководством их класс ходил летом в пешие турпоходы по Горному Алтаю, что тоже очень сдружило и сплотило ребят. Замечательная пара — настоящие Учителя с большой буквы, которых мы всю жизнь вспоминаем с любовью и благодарностью.

С Василием Степановичем на Чуйском тракте мы изучали созвездия на практике. Чтобы получить «отлично» по этой астрономической теме, надо было найти и указать на небе двадцать пять созвездий. Василий Степанович показывал нам их в ночном небе, сплошь усыпанным звездами, с помощью простого приспособления — двух параллельных деревянных реек, накрепко соединенных между собой. Василий Степанович наводил конец одной рейки на какую-нибудь звезду, а кто-то из учеников смотрел вдоль второй, параллельной, рейки и видел ту же звезду. Так мы узнали, что параллельные прямые в бесконечности пересекаются и на практике в этом убедились. До сих пор я не забыла многие из тех, сданных на отлично, созвездий: Большая и Малая Медведицы (Ковши), между ними — Дракон; Кассиопея, Северная Корона, Волопас, Лебедь, Лира, Стожары... Конечная звезда в ручке Малого Ковша — Полярная. Она всегда — на севере. Всякий раз отыскиваю их, глядя в ночное небо, и вспоминаю нашего Учителя и те незабываемые вечера с ним на Чуйском тракте.

Примеч. авт. Чуйский тракт — Федеральная автомобильная дорога «Чуйский тракт». Проходит по территории Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай. Протяженность автомагистрали — девятсот шестьдесят два километра. Является частью азиатского маршрута (Новосибирск — Бийск — Ярантай (Монголия); Урумчи — Исламабад — Карачи). Исторический Чуйский тракт, от которого получила свое наименование автодорога «Чуйский тракт», является частью современной дороги от Бийска до пограничного райцентра Кош-Агач (Республика Алтай) и до границы с Монголией протяженностью около 630 км (Википедия).

P.S. В Кош-Агаче, уникальном по своему климату и ландшафту, я и родилась. Это — зона вечной мерзлоты, приравненная к Крайнему Северу. Днем — жара до сорока градусов и выше, вечером — шубу надевай. Находится он в Чуйской долине, в преддверии пустыни Гоби, в кольце высоких разноцветных гор: от голубоватых со снежными вершинами до темных, «марсианских». Здесь Россия граничит с тремя государствами: Монголией, Китаем и Казахстаном. Здесь протекает прекрасная горная река Чуя, впадающая в Катунь; много озер, родников с чистой и холодной водой. С гор ниспадают водопады, поистине хрустальные. Здесь можно встретить не только стада коров, овец, табуны лошадей, но и яков, сарлыков и верблюдов. Дивный край — самый южный и удаленный в Республике Алтай и самый солнечный во всей Сибири.

МЕДВЕЖИЙ КОГОТЬ

Отец по роду своей деятельности, большую часть времени проводил в разъездах. Он исходил вдоль и поперек Восточный Казахстан и Горный Алтай, прекрасно знал тайгу, все горные хребты и перевалы, реки и озера. Собственноручно составлял карты Горного Алтая. На горных вершинах Горного Алтая, наверное, до сих пор стоят тригонометрические вышки, установленные отцом с отметкой высоты над уровнем моря. Во всяком случае, в конце восьмидесятых годов такая вышка стояла на горе Сугаш. Тетя Дуся, сестра отца, поднявшись на эту гору, случайно на нее наткнулась и прочла надпись: «Дмитрий Егуевков. 1936 год. Томск». Отец тогда учился в Томске на землеустроителя. Он по натуре был вообще человек непоседливый; заядлый, умелый охотник и рыбак, как, впрочем, большинство мужчин — сибиряков того времени, живущих среди гор, тайги и рек. Еще с ранней весны начинал точить блесны для рыбалки на нельму, тайменя, хариуса, форель. Вырезал их из старого тульского медного самовара в медалях, надраивал до ослепительного блеска.

— Своя блесна, — говорил он, — лучше, чем магазинная, на нее охотнее рыба пойдет...

И рыба шла. Каких, бывало, он нельм привозил, длинною с обеденный стол! А тайменей каких! Однажды он привез одну огромную нельму, а от второй — половину.

— Вы что, — спрашиваю, — из нее уху варили?

— А как же! — варили. Какая ж рыбалка без ухи! Но на уху мы таймешка пустили, а половину нельмы я напарнику отдал: он нынче ничего не поймал. У нас такой рыбацкий закон: часть улова отдавать ничего не поймавшему напарнику, иначе удача отвернется. Да и не с пустыми же руками было возвращаться ему домой...

Так же строго соблюдал отец и охотничьи законы, законы гор и тайги: уходя из охотничьей избушки, оставлял сухие дрова, спички, соль, сухари, вяленое мясо для того, кто нечаянно набредет на избушку. Делился добытым мясом с товарищами по охоте, если у тех не было удачи. А шкура, голова, ноги, ребуха и часть мяса убитого зверя, по закону гор и тайги, — тому, кто застрелил его. Но медвежьи шкуры, по правилам охоты, полагалось сдавать в заготконтору, а вот медвежью лапу с когтями он привозил. По древнему алтайскому поверью, медвежий коготь хранит от бед и болезней, и я до сих пор храню его как талисман. Алтайские шаманы и целители используют медвежий коготь, наряду с когтями других «священных», тотемных, диких животных гор и тайги, в своих целительных обрядах. Алтайцы же были язычниками, исповедовали шаманизм, поклонялись матушке-природе.

Православную веру в Горный Алтай принесли первые христианские миссионеры в девятнадцатом веке, два святых Макария (апостолы Алтая) — Глухарев и Парвицкий-Невский, сменившие один другого на этом многотрудном поприще и отдавшие в общей сложности Горному Алтаю более полвека. Они основали здесь Алтайскую Духовную миссию, считавшуюся лучшей в России, хотя и основанной намного позже других миссий. Они и их последователи заложили здесь крепкие основы православия. Ныне в Чемале, где был когда-то их миссионерский стан, бывшими москвичами супругами Виктором и Гаяне Павловыми, поменявшими столицу на Горный Алтай, основан храм в честь святителя Макария (Невского). Ими же в Чемале, на острове Патмос, что стоит на утесе посередине быстротечной Катунь, заново отстроен красивый деревянный храм, разрушенный когда-то советскими богоборцами. Виктора не стало, но его дело по восстановлению храмов и укреплению православия продолжает Гаяне. Со всего света едут туристы в эти святые места, окруженные дивной, райски красивой природой. Сегодня большинство алтайцев крещенные, как и мой отец и все его дети, — автор этих строк — в том числе. И родители моего отца были крещеными. Но как-то так уж повелось во многих алтайских семьях, что православие мирно уживается с древними алтайскими обычаями: генная память — великая вещь, видно, от нее не уйти, да и надо ли?!

Вот и я, давным-давно живущая в Центральной России, храню медвежий коготь, как память об отце, как память о моих предках-алтайцах, праотцов многих тюркских народов.

Примеч. авт.: Первая книга авторского литпроект «Лики России» — «Чайка с того света: рассказы, новеллы, очерки, эссе» вышла в 2019 году (М.: Бит-Принт, 2019. — 424 с. — (Библиотека журнала «Приокские зори»). Повести и рассказы об Алтае войдут в три — четыре книги этого проекта.